

Книга очерков Лидии Владимировны Довыденко «Жертвенное сияние современной русской мысли», выпущенная издательством «Калининградская книга» в 2019 году, представляет собой неординарное явление в современной русской публицистике. Во-первых, тем, что она написана профессиональным философом и профессиональным литератором в одном лице, – а это для нашего времени достаточно редкое явление и возвращает нас уже к образцам людей Серебряного века русской культуры, большинство из которых были поэтами и мыслителями одновременно. Таким был, например, выдающийся, но до сих пор малоизвестный и мало оцененный философ русской эмиграции Николай Арсеньев (1888–1977), о котором была написана кандидатская диссертация Лидии Владимировны. Хотя творцов такого масштаба в наше время, кажется, нет, но сам факт существования и в наше время таких целостных личностей как автор этой книги, соединяющий в себе дар и философа, и литератора, воодушевляет. В наше время философы, как правило, пишут «деревянным» языком, который неприятен даже не по причине множества специальных терминов, а просто сам по себе, и поэтому их тексты читают только узкие специалисты. С другой стороны, современные литераторы, в основном, явно не мыслители, и отличаются большой легковесностью в суждениях. Обе эти беды преодолены в книге Лидии Довыденко, сочетающей художественность и философичность. Радует соединение двух этих амплуа в авторе книги, возродившей высокие традиции классической русской культуры, в которой мыслитель всегда был ярким писателем, а писатель – глубоким мыслителем.

Во-вторых, книга построена как собрание откликов автора на важные культурные события – новые книги, встречи, знакомства с замечательными личностями. Это позволяет соединить разные темы под углом зрения общих ценностей русской культуры. В наше время культурное пространство крайне разнообразно и не имеет каких-то общепризнанных центров и систем координат, и каждому приходится выстраивать их для себя самостоятельно. В этом смысле данная книга является как бы моделью того, как современный человек вообще ориентируется в культуре. Эта ориентирование складывается из поиска новоизданных книг, заслуживающих прочтения, поездок и встреч, а также поиска людей старших поколений – живых носителей тех традиций, на которых держится культура. Именно об этом книга Лидии Довыденко.

Автор предисловия к этой книге написал: «Лидия Владимировна, опираясь на произведения близких ей по духу авторов, обретает вместе с ними подлинное откровение истинных начал не-

истребимого русского духа». И такой «высокий стиль» данной формулировки вполне оправдан: во-первых, сказанное соответствует действительности; а во-вторых, в наше время очень мало кто решится на такой широко охватывающий взгляд, и поэтому он уже сам по себе требует столь высокой характеристики. Вместе с тем автор книги не высказывает претензии на большие обобщения, а просто пишет о том, что близко сердцу и даёт пищу для ума. И в результате как-то сама собой органически вырисовывается картина современной русской культуры в её частных, но символических моментах, ярко свидетельствующих о целом.

Книга Лидии Довыденко, рассмотренная как смысловое целое, даёт читателю яркую и глубокую философию Родины, художественного слова и путей преображения человеческой души. Разнообразие тем и сюжетов не мешает этой цельности, а наоборот, придаёт ей ясность, полнокровность и конкретность. В этом очерке мы выделим важнейшие из её размышлений на различные темы, чтобы увидеть главную ценность авторской философии.

Первая часть книги, имеющая название «Служители слова», посвящена значимым явлениям новейшей русской литературы. А говоря о творчестве отдельных авторов, Лидия Довыденко не только тонко схватывает их «лица необщее выражение», их творческую индивидуальность, но поднимается до важных философских обобщений о природе творчества как такового и о значимости русского художественного слова в нашу эпоху. В ярком эссе ««Для духа поражений нет». Размышления над поэтическим сборником Сэды Вермишевой «Преодоление»» автор сразу же задает *масштаб видения природы поэтического мира, необходимый нам для восприятия подлинной русской поэзии*. Она пишет: «Стихи Сэды Вермишевой и общение с ней как с личностью открывают горизонты вселенского масштаба. В них вечность и непознанная тайна души Поэта. Ей дано от природы или она в себе сумела развить этот талант – чувствовать глубину неба и близость солнца, поняв однажды, что «для духа поражений нет»». Метафора «чувствовать глубину неба и близость солнца» в данном случае должна пониматься и как символ: она означает умение проникать в «небо» – мир духовного бытия, и познавать Бога – Солнце этого мира. Поэзия понимается как высший вид познания.

Почему поэт к этому способен? Потому что Поэт – это тот, кто не подавляет в себе высшие потребности и способности души, а наоборот, позволяет им свободно развиваться – хотя это бывает подчас очень трудно в силу противодействия «среды» и господствующих сил материалистической цивилизации. Автор пишет об этой трагической и героической ситуации подлинного поэта так: «Обитатели Земли живут в основном в безразличии к настоящей поэзии, а может быть, графомания планктоном выстелила землю так, что плодоносящему дереву негде бросить семена, чтобы этому семечку приникнуть к почве и пустить росток. Талантливый поэт – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя инкогнито в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты «вызывают дождь», поднимают «ввысь солнце и велят ему сиять», заклиная человека «не спать разумом». Подлинные поэты – это сыновья и дочери побед духа, они могут научить, «что делать», «как не бояться», потому что поняли свой удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая «желанием писать»».

Сущность подлинной Поэзии глубоко религиозна, ведь «любить и смаковать по капле каждый день жизни – это такая уверенность в бессмертии души, что захватывает тебя целиком и полностью, открывая жизнь не как замкнутый круг: дом – работа, а тыходишь в дом Поэта – это Мирозданье». Труд поэта подобен аскезе религиозного человека: «каждодневное узнавание новых смыслов, в которых отблеск каждодневного чтения, мыслительной работы, прозрений, интуиций» – именно из этого высокого труда рождается его Мирозданье. Но этого ещё недостаточно. Второй, и не менее тяжкий труд поэта – нести слово людям: «смысл Поэзии... – преодолеть разнь между поэтом, ставящим себе высокие задачи, и его, часто случайной, аудиторией».

Далее автор книги разворачивает свою философию поэзии в цельную концепцию, включающую в себя многие нюансы и парадоксы, часто не известные обычному читателю стихотворения. Вот об

особом трагизме судьбы поэта, которая не минует никого из них: «Поэт в России до времени живёт инкогнито. Найдётся у каждого свой Дантес и Мартынов». Не нужно это понимать буквально – так, что поэта кто-то в конце концов погубит (хотя часто бывает и так), – но в более глубоком смысле: речь здесь о том, что поэзия рождается только из жертвенности судьбы и жизненного подвига. Если этого нет, то сколь угодно мастерские и внешне красивые строчки не будут нести в себе поэзии и ничего не скажут нашему сердцу.

Да, поэзия – это жертвоприношение словом и великое служение Богу, Родине, народу и культуре. «Главная задача Поэта – спеть песню «о прошлом великом», передать услышанный «голос Бога», рассказать о пережитом», – так формулирует смысл и сущность поэзии Лидия Довыденко. Сказано точно, ёмко и как раз для нашего времени, когда большинство пишущих стихи делают это всего лишь для так называемого «самовыражения». На самом же деле, если стихотворец всего лишь «самовыражается», не думая ни о чём другом и почитая свою самость за столь драгоценный предмет, что о нём следует всем рассказывать – такой автор пуст и ничтожен.

Настоящий поэт никогда не занимается «самовыражением» и вообще не думает о себе. Если в его стихотворениях встречается слово «я», то это не потому, что он хочет всем себя показать, а потому, что через себя он переживает общечеловеческие смыслы, чувства и прозрения – другого пути просто нет. Но переживает для того, чтобы передать этот опыт другим, иначе он вообще не имеет смысла. И об этом автор книги сказала совершенно замечательно: «Истинный поэт – это целитель для общества, в которое прорвалось окаянство: «Мир без России не обойдётся». Благодаря таким Поэтам ослабленный организм государства медленно обретает глубокое дыхание, ясность ума, самосознание. Поэт... своей поэтической речью соединяет нити разорванных времён и поколений, пространств культуры и традиций, людей, знающих о победах духа, о совместном с Богом делании».

Удивительно, но это поэтическое усилие идёт в унисон с ростом самой страны: «Идёт эпоха веры в величие страны, в свет добра, справедливости... Духовным лидером, вождем может стать поэтическая личность». «Вакансия поэта» (Б. Пастернак) – быть голосом и совестью народа, ибо он способен ярко, ясно и мощно высказать то, что другими людьми обычно лишь смутно чувствуется. Это относится к «тем поэтам, которых относят к избранным, если не сказать великим, потому что Божий дар в них преобладает над рациональностью. Так называемое «цивилизованное общество» не видит таких поэтов, не замечает, называет какие-то другие имена, но русский народ, народная жизнь вбирает в себя творчество таких поэтов как Божественных посланников, насыщает свою жизнь их вселенской правдой». Последняя мысль очень важна. К сожалению, в наше время среди большей части «читающей публики» господствуют весьма низкопробные вкусы, при этом претендующие на «элитарность». Этот самообман возникает с силу отрыва от классической традиции русской культуры и увлечения бездумной модой, искусственно создаваемой отдельными авторами. Мода создается вовсе не на самых талантливых и духовно ценных авторов, а как раз наоборот – на тех, кто следует «трендам» западной антикультуры. Делается это специально для разрушения высокой культурной традиции. И поэтому в настоящее время сложилась ситуация, при которой всё самое ценное менее всего известно, и его нужно искать на огромных русских просторах. Книга Лидии Довыденко – это в первую очередь плод таких подвижнических поисков духовных алмазов русской земли. Поисков, увенчавшихся успехом и нашедших сокровища!

В очерке «“Спас-на-любви». О знаменосной прозе Николая Иванова» автор даёт ёмкое определение того, что она ищет в каждом из персонажей своей книги. Это «автор, читать которого – счастье, потому что так забирает за душу, захватывает ум, что в тебе вдруг пробуждается собственная твоя глубина и сила и океанской глубины благодарность». Это определение того, зачем вообще нужно художественное слово, зачем писатель вкладывает всю свою душу и жизнь в заветные строки. Для того чтобы пробудить высокую жизнь в другом человеке – своём читателе, передать ему, а через него и всему народу и будущим поколениям эстафету священного огня одухотворенного бытия, идущую к нам и дальше через нас в будущее, в Вечность!

Проникновенный очерк «Мой светлый горячий Донбасс» о поездке к нам в Луганск и Донецк, о встречах со многими замечательными людьми, в своё время опубликованный в знаменитом журнале «Наш современник», неслучайно помещён почти в самом начале книги. Он задаёт ту эпическую тональность повествования, с которой автор говорит о нашем времени, на самом деле

весьма важном времени для русской истории, когда Русский мир вновь поднимается во всей своей силе и мировой значимости. Донбасс стал живым символом русского возрождения. Автор сделала личное наблюдение: «Луганск – это как Санкт-Петербург в России, очень интеллигентный, а Донецк – как Москва, деловитый. Но главное ощущение: люди живут, а не просто выживают». Я всю жизнь прожил в обоих этих городах и никогда не слышал такого сравнения – видимо, тут нужен взгляд со стороны. Да, Донецк более жёсткий и прагматичный, а в Луганске больше провинциальной тиши, но сравнивать их с Санкт-Петербургом и Москвой никому раньше даже не приходило в голову. Такое сравнение – это не комплимент, а просто живое ощущение того факта, что Русский мир един во всех своих уголках.

Среди многочисленных разговоров с людьми Донбасса, переданных автором, меня поразило одно случайное, казалось бы, наблюдение. «Многие уезжали из Луганска, – пишет она, – особенно те, у кого маленькие дети. Оказались брошенными породистые и обычные собаки и кошки. Оставшиеся в Луганске люди делились с ними последним куском хлеба и водой, за которой стояли в очереди у скважины или ходили к колодцу в частном секторе. Построили для них временные убежища и до сих пор продолжают их подкармливать. Нередко можно увидеть такую, например, надпись: «Помогите Кузе, он пережил войну». А вот и судьба другой собаки: «Собака приползла к ним, попав под обстрел. У неё перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза – только бы не бросили. Не бросили».

На самом-то деле таких *неброшенных* собак и котов было много. Мы с женой тоже спасли двух дворовых котов, которые живут с нами в квартире до сих пор, а летом 2014-го кормили брошенных котов во дворе, делясь с ними последней едой – и все они выжили. Это было в порядке вещей, но вот взгляд со стороны вдруг позволяет понять, что в этом так ярко проявился наш русский характер. В Испании и Франции, например, в годы недавних экономических кризисов на улицах появлялось множество брошенных породистых собак, которых выбрасывали хозяева из-за дороговизны. И в Луганске были в 2014-м году такие «хозяева» – из тех, кто ездит на дорогих машинах и первыми сбежал из города, ещё до начала обстрелов. А их несчастных питомцев, сбившихся в голодные стаи, потом спасали бедные пенсионеры на свои последние гроши, сами голодая. Кто из этих людей русские – очевидно всякому. И то, что Лидия Довыденко выбрала этот всего лишь бытовой сюжет, но как в капле воды отражающий всю нравственную суть происходящих событий – это говорит о её большой проникновенности как писателя и как человека. В своей рецензии на вышедший в Луганске в 2016 году литературный сборник «“Выбор Донбасса» – это художественное свидетельство единства русской цивилизации» она написала: «В литературе, созданной под огнём, появилась глубина, Русский мир получил конкретное содержание не для галочки, а по зову души». Я писал рецензию на первый, предшествующий ему сборник – «Время Донбасса» (2015), и тоже знаю, как непросто бывает подобрать слова, чтобы достойно сказать о произведениях, написанных о войне – теми, кто сам видел смерть своими глазами. Спасибо автору за эту точную и яркую рецензию, в которой сказано главное!

Лидия Довыденко очень точно формулирует и самую главную суть противостояния Донбасса и Украины – ведь она не только и даже не столько в языке, но в первую очередь в нравственной сфере, в области духа: «Украина принципиально не хочет видеть духовную линию, идущую из прошлого в будущее, приобретя ухватки мародёра, обирающего покойника, ссылая в мешок пластиковые полоски карточек американских банков, примеряя чужие одежды, намеренно отравленные». Точнее и ярче не скажешь!

А вот общий итог пути писателя-подвижника, собиравшего алмазные крупички русского слова и духа на наших огромных просторах: «За семь дней за спиной около пяти тысяч километров: Калининград – Москва – Ростов-на-Дону – Луганск – Донецк – Ростов-на-Дону – Москва – Калининград».

К иным смысловым горизонтам автор обращается в очерке «“Земная философия» и национальная идея в прозе Александра Новосельцева» – к теме высшего предназначения художественного слова. Оно всегда неизменно: «Духовная позиция автора в русской традиции нашей литературы – вопрошать к Всевышнему за других». Эта русская соборность, для которой «все за всех во всём виноваты» (Ф. Достоевский) и спасаются тоже только вместе – духовное ядро русской культуры. Может ли оно

сохраниться в наше время? «Городским жителям, – пишет Лидия Довыденко, – возможно, кажется, что исчезло это трепетное ощущение соборности, взаимоподдержки, теплота сердец, а здесь – вот оно, никуда не уходило. Есть мир Божий, который больше самого широкого представления о нём и первичнее». Да, русская деревня – исток народа – ныне уже почти погибла и её уже не воскресить. Но дух народа продолжает жить в слове и в литературе, он не умрёт, пока живо наше великое наследие: «Возьму томик, прочту несколько страниц, задумаюсь благодаря книге, например, о той тайне мира, откуда яблоня берёт железо для яблок... Открываются тайны жизни и смерти, истории, находятся источники силы, возможности для расширения представлений о мире, и ничто для тебя не таит в себе никакой опасности». Русская литература – исток той тайной силы нашего народа, которая даёт ему силы для новой жизни.

Гибель русской деревни в кровавых коллизиях XX века тоже стала предметом осмысления в этой книге. В очерке «“Слово о родной деревне». О книге Людмилы Яцкевич» упоминаются эти страшные страницы: «бедность и голод, потери детей, жилища, репрессии, преждевременная смерть, когда, например, крестьянин отдаёт своего любимого, единственного коня в колхоз, а на следующий день умирает». А «к весне 1933 года разруха в северных русских деревнях дошла до края бездны. Но и заглянув в неё, не потеряли мужики головы и сохранили живую душу. Особенно яркой свечой горела душа у крестьянских детей, рождённых в годы войны, революции и разрухи. Через этих детей Русь выживала и снова воскресала, распятая на кресте двадцатого века». Вот вечный символ бессмертия выстоявшего народа!

Автору очень заинтересовала «трагическая страница в истории села Квасюнино – восстание крестьян в 1918 году на Шексне, описание которого принадлежит перу Владимира Антоновича Яцкевича. Он пишет, что это восстание, как и Ярославское, Тамбовское, закончилось разгромом, последующим расстрелом наиболее активных участников, массовыми репрессиями. Пронзительны строчки о любви и смерти «крестьянского генерала» Николая Шерстнева». (Речь здесь идет об антибольшевистских восстаниях, которые в период Гражданской войны были по всей России – они возникали как ответ на продразверстки, а фактически – грабёж крестьян продотрядами, часто обрекавшими их просто на голодную смерть). Однако, продолжает она, «какие бы трагические страницы жизни ни вставали перед читателем, какие бы бездны богоотступничества ни открывались, – нет ощущения ни сокрушённого ума, ни усталого сердца. Черпая в любви к своей земле, родной деревне надежду и веру, глубокое родовое чувство переполняет нашу общую память и память о собственной истории своей семьи, это чувство ведёт к соединению нас всех, выходцев из таких же небольших деревень или больших городов, ведёт от рассыпанности к невидимому единству, от обладания которым мы чувствуем победу света над тьмою». Да, именно этим и выжил наш народ в XX веке, и мы, наследники наших предков, переживших ужасы и голод коллективизации, несём в себе ту же самую жизненную силу, которая спасает нас и в новых испытаниях!

Это наследие – не только в жизненной силе, в способности выносить любые испытания, но в способности и видеть, и самим творить великую красоту. В очерке «Тепло родной речи. О книге Л. Г. Яцкевич «Квасюнинская поговорочка»» автор пишет о народной эстетике – том высоком и тонком чувстве прекрасного, которое умело выражаться в самых простых формах и поэтому столь ценное для нас как образец – в противовес современной показной «сложности», за которой стоит лишь претенциозная пустота. «Отец Павел Флоренский, – пишет Лидия Довыденко, – в своей работе показывал художественную значимость частушки, говорил о древности этого жанра, отмечал, что короткие поэтические произведения – это особое языковое и духовное явление в культуре многих народов, приводил в пример японские танки... Поэтическая особенность этого фольклорного жанра такова, что в лирическом сюжете частушек фиксируется лишь кульминационный момент событий, и поэтому большую роль играет подтекст и контекст».

Более того, как оказалось, этот жанр ныне вовсе не умер, он имеет современных продолжателей: «появились самородные поэты-частушечники, которые целыми тетрадами записывают свои авторские частушки. Но это уже иные частушки и по духу, и по поэтике, и по своему назначению... Что же, времена меняются, но творческий дух народа по-прежнему жив». Чем ценна нам частушка как древняя модель художественного слова? Совершенно справедливо указывается на её близость японским танкам, признанным во всём мире как образец поэтической глубины и лаконизма. Подобно танке, частушка умеет сказать «многое в немногом», она проста по форме и мудра по содержанию,

она хранит в себе самые чистые и возвышенные чувства любви к людям и любования природой, нежный юмор и пронзительно точную образность. Несомненно, что это та модель, которой следовала потом и великая русская поэзия – тот самый образ «пушкинской простоты». Она дала эстетическое воспитание нашим предкам, и она жива до сих пор!

Другая сторона народного эстетического воспитания – понимание слова как могучего оружия в борьбе за Правду. В очерке «“Милость сердца». О книге публицистики Геннадия Сазонова» сказано об этом: «Геннадий Сазонов, размышляя о делах милосердия и любви, создал образ... нашего современника, но также и самого автора можно отнести к народным духовным воинам, славящим Бога так, как позволяет сердце, открывая его в духовно-нравственном совершенстве». Ещё более развернуто эта идея дана автором в очерке «Метафизика Александра Проханова». Здесь говорится: «С 90-х годов прошлого века каждый из нас столкнулся с вещами, которые сложно объяснить с научной, философской, исторической, метафизической точек зрения, несмотря на то что уже свыше четверти века историки, политики, философы, учёные пытаются объяснить нам, что случилось с нами и страной. Мало кто прислушивается к писателям, или слишком много тех, кто не хотел бы, чтобы к ним прислушались, рекламными поделками и пустышками заслоняя попытки понять себя и окружающий мир». На этом фоне «Александр Проханов... – один из немногих, кто через своё творчество пытается найти обоснование нашей духовной жизни, нашего смысла существования, открыть нам брезжущий свет завтрашнего дня, который искали русские философы», поскольку «его творчество – это русский синтез, это актуальная традиция и философия русских космистов, вынужденная продираться через планктон потребительства, чтобы напомнить или объяснить высшее предназначение человека». У каждого писателя за всем множеством отдельных сюжетов его произведений всегда просматривается один главный внутренний «магистральный» сюжет. Таким сюжетом у Александра Проханова является *мистическое видение потаённой России* – того, что в ней происходит за мишурой внешних событий. А происходит вот что: «поверх беснования нечисти тайными кодами вливается в кровь имперской России, всплывающей из тёмных вод распада, разложения, «торжество пасхальной литургии, мистерия воскресения», мистический повтор Россией судьбы Христа». Именно за такое – тайное видение подлинной сущности России и всего ныне происходящего в ней – страстно ненавидят А. Проханова все ненавистники России. Его творчество и общественная деятельность – это «лакмусовая бумажка», своего рода проверка на русскость. Особая заслуга Лидии Довыденко – в том что она прямо написала об этом. Приведённая цитата из её книги является самым ёмким определением миссии этого писателя, уже при жизни признанного классиком, но ещё далеко не вполне понятого нашими современниками. Это писатель русского будущего.

Осмысление высокой миссии русского поэта как строителя русской цивилизации автор книги продолжает в очерке «Выбирая «общерусскую соборность». О славянском романе в стихах Владимира Подлuzского». У этого поэта «образ народной славянской жизни воспринимается как золотое, волшебное время»; а его стихи «отсылают нас к пушкинской традиции живописания славянского быта, связывают с духовной строгостью». Сама способность к такому видению прошлого ценна и даже уникальна в наше время. В чем его ценность? В том, что благодаря такому видению мы имеем правильную оценку нашего главного богатства – богатства духа и памяти. Мы видим, как «тесен, мелок и немногосложен тот европейский мир... Разве не видно, как они односторонни, однообразны, скучны и пошлы?». И этот мелкий и пошлый мир потребительства и мёртвых душ наступает, грозя окончательно поглотить Русь, нашу уникальную цивилизацию православного духа: «Реальность делает нам вызовы: духовная безопасность русского мира, славянского мира или тёплое стойло? СМИ объявляют о конце истории, работают на принятие нами неизбежности, что мы все должны подчиниться тёмной власти тельца». Лидия Довыденко даёт свой развернутый ответ на этот вопрос: «Славянская цивилизация может быть универсальной, не потому что мы этого хотим, а потому что русский космизм обозначил широкую перспективу для любых решений, касающихся сути существования планеты и рода человеческого, а также нашу ответственность за ту роль, которую мы выполняем – освобождение от ложного, одностороннего развития и тупика, в который нас завёл Запад. Территория интегрированного сознания сместилась на Восток, включив знания и духовные ценности Востока и Запада, универсальность синтезированной стратегии для всего человеческого рода, отбросив ложные приоритеты, основанные на индивидуализме и гибельном для планеты потребительстве, вернув полное надежды ощущение значимости нашей жизни». Это один из основ-

ных тезисов всей книги, дающий ответ на главный вопрос, который перед нами сейчас ставит сама История.

Размышления продолжаютя и в следующем очерке «“Полюбите солнце». О книге стихов Ивана Кунцевича «Солнечная нить»». Здесь автор пишет: «В наше время, когда человечество вступило на жёсткий путь расчеловечивания, особенно тянет к поэзии, к философии, к Константину Бальмонту, знавшему секрет света в человеческой душе». Размышляя об одном конкретном поэте, мы приходим к важному пониманию природы самой поэзии вообще, её главного призвания во все времена: «Поэт не стремится к фотографической точности выражения своих переживаний, уходя от частности к обобщению болевой правды и узнавания постоянно изменяющегося мира, чтобы поэтически, творчески преобразовать, облагородить тёмное и ужасное в нём, направив на него солнечный свет». Именно такова цель поэзии – не «отражение» и не «воображение», а *свет преображения*, проникающий в душу и наполняющий жизнь.

Сама же поэзия бывает разной – не только по содержанию, но и по форме создаваемых текстов. Одна из таких оригинальных форм рассмотрена в ярком очерке «О сборнике метаквадропоз Сергея Воробьёва «Заполнение чёрного квадрата»». Сначала дадим слово самому автору: «Дело не в поисках новых форм выражения мысли или дань супрематизму, а в поисках мудрости и красоты, которые свойственны человеку, вне зависимости в какой точке планеты он живёт, вне зависимости от времени. Подобно Платону, жившему примерно 400 лет до Рождества Христова, мы могли бы сказать: «Вино, мудрость и красота всё ещё дарят очарование, / Убирают все тени жизни и бодрят нас в пути». Отправимся же бодро в путь по двенадцати главам заполнения «абсолютно чёрного тела», благодаря которому физики догадались о существовании квантов, потому что после нагревания этого условного абсолютно чёрного тела оно начинает излучать тепло, и столько тепла (энергии), что получается бесконечная энергия. В метаквадропозах автор с вышеназванной бесконечной энергией предлагает читателю не искать рифмы, размера или знаков препинания, а «искать себя», и, что немаловажно, желает удачи, которая невозможна без вышеуказанной энергии тепла. Без теней жизни не было бы мудрости и красоты».

Мы сознательно опять дали слово автору и привели большую цитату. В ней хорошо видно, как движется авторская мысль, для которой характерно обращение к глубинным историческим слоям культуры, которые внезапно высвечивают смысл самых новых культурных явлений. Это называется «большой памятью культуры». В этой большой памяти обнаруживаются самые неожиданные переключки смыслов – между философией Платона и современной физикой, структурами языка и энергетикой души. И над всем этим встаёт сакральный сверхсмысл творчества, ибо «творчество, где автор пытается заполнить ночное окно «алым светом зари» принадлежит к области непознанного и непостижимого, но где нельзя игнорировать первоначальную природу реальности и бытия, при этом прибегая к Логосу, Слову, которое древние относили ко всё скрепляющему пятому элементу». В этой точке вся философия поэтического слова, развернутая в книге, восходит к своей вершине – здесь соприкасается слово человеческое с Логосом предвечным.

Но уже далее автор спускается «с небес на землю» в самом буквальном смысле слова, посвящая свой следующий очерк «Размышления над книгой Евгения Журавли «Озеро забвений»» книге странствий. Ведь есть «традиции классической русской литературы – пускаться герою в дальние странствия, обретая в сравнениях и сопоставлениях привычного, известного, понятого в жизни с тем, что увидел, кого встретил, обретая мудрость души». И тогда писатель обращается к своему «варианту «Одиссеи» – человека в пути по причине невозможности оставаться там, где ты живёшь, когда ощущаешь властный зов – хотя бы временно покинуть дом, чтобы отпустить то, что мучит и терзает. И когда лелеешь надежду – обрести нечто, что приводит к пониманию планеты как родного дома человечества, с которым сродняешься, встречая неожиданную помощь и привет». Но это лишь внешняя сторона сюжета, а главный сюжет его – внутренний: «цель далека, но с героем происходит внутреннее преображение, в современной русской душе человека соединяется родное и вселенское, вечное и мгновенное, любовь и жертва. В единое целое, в тесный узел связывается Божий замысел и свободная воля человека, когда преобразование души человека обретает единственно верное направление. Нравственная определенность автора приобретает высокую степень концентрации». Эти строки достойны того чтобы войти в самый хороший университетский учебник эстетики. Увы, в наше время философская эстетика часто очень далеко уходит в сторону от самого главного в искус-

стве – в глупой погоне за построением новомодных «дискурсов». Но чтобы дать понять, что такое настоящее искусство, нужно перечислить именно вот эти его самые главные сущностные элементы. Это *внутреннее преображение – посредством соединения в душе родного и вселенского, вечного и мгновенного, любви и жертвы, Божиего замысла и свободной воли человека*. Это – вечное и главное в искусстве.

Подлинные произведения искусства «ведут читателя действительно «на чистую волю» духа и наполнены «тайным благородством»» («О книге Сергея Пылева «На чистую волю»»). Иногда ощущение «чистой воли» выходит за рамки произведения и становится «аурой» человека, охватывая и его дом, и даже местность вокруг него. Об этом – очерк «О чём говорит полесский дуб... Встреча с писателем Вениамином Бычковским». Здесь автор пережила такое впечатление от Дома – хранителя древностей: «Душа обмирает, уходит в пятки от увиденного, чтобы снова возродиться. Тебя охватывают, обволакивают энергии и излучения икон, множества книг, камней и минералов, колоколов, колокольчиков, бубенцов, необъяснимого содержания тщательно отшлифованных древесных сучков и цельных кусочков дерева, отливающих тёплым блеском, рушников с вышитыми красными нитями белорусскими орнаментами, старинной полесской керамики, расставленной на полочках, картинами». А живущий в этом доме писатель так слышит само биение сердца бытия в самом себе и в мире: «Какая-то огромная мощь чудится мне на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы она проломила «стену» в моём сознании. Смотришь на старый дом, и он вдруг в какой-то миг останавливает ход времени, точно время провалилось в Вечность и утянуло твоё сознание за собой... И тут чудо! Свежесть и ясность во всём, что окружает тебя! Нет привычного времени, нет привычного порядка... Всё в безграничном пространстве!». Вот такое мироощущение рождает тот удивительный мир древнего «лада» (В.И. Белов) традиционной культуры, который мы утратили во внешней обстановке своей жизни, но ещё способны нести в своём сердце и передавать другим.

Следующий очерк «Вдохновенный образ истории. О книге Евгения Живоглода «Сказание о русах»» – о том, как этот древний священный «лад» народного бытия может храниться в нашей памяти и передаваться вещам поэтическим словом. И вновь автор книги предстаёт и глубоким мыслителем, и вдохновенным поэтом в одном лице, написав такие строки: «Будучи не в силах что-то поменять в своём герое, поэт стоит на позициях соборности, отталкивается от мирового, совокупного, божественного, сердечно-тайного и принципиально безграничного видения роли своего героя, который удивительно связан с человеческими судьбами и увязан в одно целое с божеским миром. Теперь редко встретишь в художественной литературе такое обширное и высокое созерцание, она потеряла его или отвыкла от него. Само время стало как будто подменным, словно перестало быть временем вообще, справедливо иногда называемое безвременьем, а оно, безвременье, таким образом, легко становится духовным убийцей. В таких условиях подлинная художественная литература берёт на себя функцию удержания живого, преодолевая губительную энтропию, тягостное отсутствие взлётов через духовный подвиг художника, что равно возврату к жизни».

Русский художник, совершающий духовный подвиг – не с этим миром корысти и пустоты, а с миром горним, но уже имеющим своё конкретное воплощение на земле – «с непостижимым для сухого, жёсткого ума, но понятным и принимаемым теми, кто знает о русском служении, покаянии, объединении во имя Бога понятии «Святая Русь»».

Ещё более пронзительно пишет об этом автор в очерке «О книге Андрея Растворцева «Тринадцатое полнолуние»»: «Обнажённо русская мысль с отчётливым указателем святости в Христовом «будьте, как дети» и понятие Земли как общего дома, святой соборности». И в очерке «О поэтических сборниках Сергея Зубарева» продолжает эту мысль: «Вечный «терновый венец», вечное и непоколебимое торжество веры. Ну почему мы вялые, растерянные, дремлющие, не видящие угрозы, почему такая удручающая пассивность, кругом пена и грязь, а сады обнесены колючей проволокой? Поэт мастерски чеканит ритмику стиха, как одно из средств создания образа-переживания. Эмоциональная напряжённость разрешается в заключительных строчках стихотворения гармонией божественного обещания, но где сам человек?». Вот для чего нужна поэзия: «Давайте услышим голос надежды, молитвы, отчаяния, боли – отзовёмся на эти трепетные звуки сердца, неужели мы так ожесточились борьбой за существование?» Ведь «поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты», – писал Николай Гумилёв в статье «Читатель». Поэзия Сергея Зубарева требует от читателя веры и духовной работы, определения какой-то высшей цели, перерождая или преображая, как

записано в Евангелии. Его поэзия обращена к личности, не к народу, тем более не к толпе». И «пусть кто-то научился «уродство выдавать за красоту», но нам, поэтам и писателям, задача – седлать коней и быть Дон Кихотами».

Но не наивны ли эти романтические призывы? Нет и ещё раз нет. Они не наивны, и, по сути, даже вовсе и не «романтичны» в ходячем понимании этого слова, а скорее даже трагичны, и – глубоко реалистичны. «Как много потерял человек, погнавшись за цивилизацией, прогрессом, как много он обретает, возвращаясь в отчий дом, к своим корням, как много мудрости и тайн вселенной ему открывается. Чтение рассказов не предназначено для спешного пробегания наискосок страницы, а требует наслаждения, смакования и погружения в исцеляющие душу тексты, в завораживающие волнительные перемены настроения» (««Добрый, светлый лучик» прозы Юрия Жекотова»). Поэтом: «Книга – просторное и высокое пространство для развития души» («О книге Владимира Выхремеева «Лики Балтии»»). А само «творчество – это напоминание о том, что есть настоящее в этой жизни. И как важно ценить то, что имеем мы» («Дороги творчества Ивана Привалова»). И поэтому, пишет автор, «как же радостно встретить автора, который говорит тебе своими произведениями, что ты не один, не одинок в любви к России, в своём оптимизме по поводу судеб Родины, по поводу пробивающихся свежих нежных ростков великой православной традиции» («Актуальный опыт русского мышления в творчестве Юрия Серб»). И хотя «многое утеряно в России за последние двадцать пять лет, вывезено, разграблено, разрушено, не счесть потерь, но сохранено главное – у нас есть Отечество, не покорённое, родной язык, и есть писатели, такие как Юрий Серб, крепко стоящие на родной почве, православной традиции, будящие в нас чувство единения с Родиной, с величием народа, давшего миру великую культуру». Только так преодолевается трагическое одиночество художника – ведь «Если тронет тебя рукою Несбывшееся, ты уже не можешь ничего с собой поделаться, никому не доверяя свою тревогу, свою тайну, свою мечту» («О поэтическом сборнике Людмилы Свирской «Опоздавший Дон-Кихот»»).

В очерке «Судьбоносная встреча» Лидия Довыденко ещё и ещё раз формулирует такое важное для нашего «беспочвенного» времени понимание укорененности подлинного художественного слова в самой глубинной – православной – духовной традиции нашего народа: «особенностью русского, православного менталитета была невозможность удовлетвориться только законом, его душа всегда жаждала и страдает до сих пор справедливости, благодати. Это тонко чувствовали и Пушкин, и Лермонтов, и другие писатели России... В романе «Герой нашего времени» мы также можем заметить столкновение Закона и Благодати: с той существенной разницей, что Печорин не может найти себе применение ни в одной ячейке тогдашнего общественного социума, его не удовлетворяет ни одна роль в миропорядке. Иными словами, он не может удовлетвориться рамками Закона, но – потому и несчастен, что не способен к обретению Благодати».

В очерке о ещё одном своём важном путешествии по сердцу России – земле, родившей стольких художественных гениев – «Литературное братство Калининградских берегов с Воронежскими, Липецкими и Елецкими» автор пишет: «Увидела я здесь явно просматривающуюся черту нового времени – духовное преодоление навязываемого индивидуализма, поняла, что русская идея никуда не уходила, несмотря на катастрофические вызовы времени сохранилась священная глубина духовного опыта, его почвенность и серьёзность ищущей мысли. Нравственный закон – это то, чем руководствуется художник слова, удержание себя в области света».

Во второй части книги «Художники-мыслители и меценаты» речь идёт уже не столько о произведениях, хотя и о них тоже, но в первую очередь о выдающихся личностях современной русской культуры. В очерке ««Событие в жизни человечества». О книге «Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский»» автор вновь возвращается к своей ключевой мысли о том, в какой духовной ситуации находится современное человечество и какой выбор оно должно сделать: «русская жизнь в России и Русская цивилизация на планете при историческом противоречии, нашедшем исход в 1917 году, придут и уже приходят к неизбежному единству. Это возможно, на мой взгляд, потому что Россия противопоставляет технократичности жизни свою органику, нравственный и душевный обычай, а размеренность жизни и огромность просторов соизмерима с пространствами русской души. Никита Лобанов-Ростовский говорит, что он знаком с несколькими культурами мира. «Но преклоняюсь я перед необычайным явлением, я бы сказал, событием в жизни человечества – русской культурой конца XIX – начала XX веков. Такого нигде в мире не было и

нет!» Художник, поэт, музыкант – фигура творческого человека – является посредствующим звеном между наступающим завтра с холодным металлическим блеском и такими же жёсткими звуками и уходящим образом земли со сверкающей росой на изумрудной траве и пением птиц».

Здесь автор находит пронзительно точное и глубокое выражение того, о чём, по сути, написана вся эта книга: «безбрежность Русской цивилизации на планете». Эту безбрежность столь ярко воплощает в себе и ныне живущий князь Рюрикович Никита Лобанов-Ростовский: «Божий дар преобладает в известном коллекционере и меценате над его рациональным мировоззрением, он соответствует здесь своему глубинному призванию, метафизическому Поручению, уходя от рабства Успеха, и этим вызывает к себе любовь беззаветную». Такая великая душа нашего современника была воспитана «кодексом чести представителей русского дворянства, кто сохранил любовь к Отечеству и веру в его историческую судьбу, кому не надо искать национальную идею, – она живёт в душе». Живые продолжатели великой династии, создавшей великую Россию – это достояние русского народа наравне с великими произведениями искусства: не менее чем последние, они способны быть для нас высшими образцами чести и благородства.

В этой части книги автор делает яркий обзор тех явлений современного русского искусства, которые в наибольшей степени сохраняют в себе дух и образ великой традиции. В очерке «Кому передать икону? Художник Борис Булгаков» автор рассуждает «о выборе: Преображение или Апокалипсис? Отказываясь от корней, от традиций своих предков, своего народа, не похож ли ты на реку, которая лишается своего истока?». И ещё – «о вечном и святом, что озаряет бытие, о «живом знании», одухотворённом переживаниями, передающемся из поколения в поколение, о трагедии духовной традиции, если она прерывается». В очерке «Как зажигать огонь... Художник Юрий Григуль» уже дан образ такого художника, который смог вернуться к живым истокам традиции и продолжить их в наше время: «Его взгляду на мир присуща свежесть и простота, порой даже ласковая кротость. Всякая жестокость, жёсткость, всё, вызывающее ужас и страдание чужды ему. В его работах нет мещанского довольства или страстного темперамента, он далёк от всяких крайностей. Но пытливая живая мысль удаляет его и зрителей его работ от скуки, потому что он несёт в себе великодушие. Он не боится отдаться большому, возвеличивающему».

Главная черта подлинно русского искусства сформулирована и в очерке «Русская Рига. Музей личных коллекций живописи Владимира Рыбакова в Юрмале»: это «ощущение счастья от царства Света, любви и пережитых страданий, в то же время свежести и остроты восприятия искусства»; и поэтому «Вселенский свет русских художников наполняет мою душу энергией всех стихий, четырёх сторон Света, тем, что есть прекрасного в цветах и травах, в глазах одухотворённых людей». Этот образ продолжен в очерке «Русские сны Георгия Шишкина», где автор пишет: «В сердце художника лежит какое-то сокровище, которое он щедро нам расточает, дарит гармонию, напоминает о нашей снисходительности, доброте, великодушии, храбрости, одарённости любовью. Своим искусством он создаёт сияние бытия, о котором в суете дней мы часто забываем, мелочась, дробясь на кусочки ускользающей повседневности. Герои его картин несут в себе образ Божий, внутреннюю сосредоточенность, духовную радость». И благодаря этому «постепенно смысл вещей начинает открываться тебе всё глубже. Сюжет для него – это всегда идея выражения какого-то состояния, это результат переживания случившегося: встречи, пусть даже мимолетной, прощания или предчувствия, ожидания, осознания их единственности, вероятной неповторимости»; «художник мне видится неустанно задающим сам себе вопросы, ведь, как писал Ф.М. Достоевский, «рассудок примолкает, как сирота, если кончаются вопросы». При нежности и трепетности его образов чувствуется огромная мыслительная работа, интеллектуальное постижение истории России, мощное осмысление её культуры, её традиций».

Личностный образ подлинно русского художника сформулирован в завершающем очерке «Фёдор Мунтян. Музыка моря и мира»: «Талантливые люди скромны. Они мало говорят о себе, потому что слишком много говорит их творчество. При общении они как бы немножко отстраняются, давая собеседнику раскрыться, зазвучать, как чудная и сильная мелодия, а художник чутко реагирует на свойства ума и тончайшие нюансы души собеседника, на его индивидуальность, чтобы, может быть, сверить свои ощущения мира с другими или отразить замеченную подробность в своём произведении. Они не усекают, не деформируют, не разбавляют собеседника, а дают ему быть, существовать во всей его целостности и объёме».

Мы сознательно приводим здесь обширные цитаты из книги – и не только для того чтобы «дать слово автору», но и для того чтобы показать их связь между собой, смысловую цельность авторской концепции. Вне всякого сомнения, Лидия Довыденко создала свою яркую и сильную эстетику, свою концепцию сущности художественного слова и русского культурного космоса. Она не цитирует классиков русской философии, но их дух и мысль живут в ней как в продолжательнице этой великой традиции миропонимания. Именно так и продолжается традиция мысли – не эпигонством (чем часто грешат профессиональные «историки философии»), а претворением нашей соборной традиции русской мысли в свою оригинальную философию.

Третья часть книги «Берега наследия янтарного края» посвящена уже не путешествиям и далеким встречам, а её родным краям, столь важным для живого ощущения и понимания большой Родины. И здесь мы вновь встречаем её размышления о самом главном: «Художнику чужда жизнь без доблести и смысла, где нет места трагедии и душе. За распахнутой дверью из мира с потрескавшейся, иссушённой, истощённой землёй на человека смотрят глаза – зеркало души. Чьей? Человека? Земли? Вселенной? В них мягкость и доброта, сострадание и милосердие. Пестрая бабочка на миг прижалась к падавшему, но зацепившемуся за тонкую паутинку золотистому, наполненному осенней влагой, кленовому листу. И прозрачная капля на лице человека страдающего, тоскующего по высокому. Он над – пошлостью, буржуазностью, тошнотворным сытеньким бытием».

Здесь нашлось место и для осмысления творчества поэта, лишь краем своей судьбы связанного с Калининградом – это очерк ««Вместо точки я поставлю солнце...». «Кубинский дневник» Юрия Кузнецова». Описание перипетий Карибского кризиса в конце концов завершается раздумьями о призвании русского поэта: «Калининградская область, отделённая границами от большой России, может быть, глубже и острее чувствует слова о том, что «в наше прозаическое время остался один богатырь – русский народ», что один человек может быть «равен народу». Исполинской величины сознание Юрия Кузнецова вместило в себя вселенскую историю, живое единство предков и потомков». Продолжаются эти раздумья и в очерке «Николай Гумилёв в Восточной Пруссии в 1914 году», где автор отмечает: «Поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и книгу Гомера «Илиада»... Военные стихи Гумилёва – одно из наиболее ясных откровений духовного смысла войны». Об этой стороне творчества поэта – о духовном смысле войны и его укоренённости в его православном мировоззрении – до сих пор почти не писалось, и здесь автор стала первопроходцем.

Но кроме этой темы, автор книги даёт и общий духовный портрет поэта, который делает его нам ближе и понятнее – не только как поэта, но как подвижника духа. Она отмечает: «Гумилёв писал, что человеческому духу свойственно сводить всё к единому. Стихи и религия – одно, слово поэта обладает магической силой. Здесь мне думается, что эта мысль Гумилёва сближает его с Платоном, который мечтал, чтобы философы правили миром. Поэт для Гумилёва – человек, способный при помощи слова овладеть пространством и временем, прошлым и будущим. Величественный гимн «Слову», его тайнству и чудотворству, его возвышению над «низкой жизнью» создал Гумилёв. Он всё в себе подчинил Слову, отсвет этого Слова лёг на его легендарную судьбу. Обречённости человека «идти всё мимо» прекрасного, непониманию и равнодушию к глубоким корням и причинам существования человека на земле поэт противопоставляет осознанность в желании идти глубже в познании природы, причин бытия, сущности живого».

А далее следует переключка с поэтом наших дней, воплощающим в своём мире те же черты, которые были у Гумилёва, и которые способны возрождаться и в поэтах нашего времени. В очерке ««Свободен каждый по правде жить...». О творчестве поэта Виктора Сусоева» она пишет об этом самобытном авторе: «Его стихи цепляют за душу тех, кто хочет не просто выжить, а сохранить в себе человека. Казалось, что всё вокруг подталкивает к тому, чтобы лукавить, лгать, и тем не менее, сохранился слой жизни, может быть, очень тонкий, где есть место поэтическому слову, умному и честному». И далее о малой родине: «И тем более замечательно, что это умное и честное слово рождается в городе, где ты живёшь, что поэт жил совсем неподалеку, что он твой современник. Наше время трагично тем, что чувство гордости за свой народ отделилось от гордости за государство. Народ не так слаб, как государство. В народе живы и мысль, и достоинство, и душа». Почему мы можем быть в этом уверены? Потому что таков духовный закон жизни: «не прервётся духовная жизнь человека. Всегда будет кто-то, кто будет читать книги, кому дано будет не только здраво мыслить, чувствовать, улавливать малейшие вибрации души, а значит, понимать рядом живущего человека».

Наконец, завершающий очерк всей книги «Отец Софроний – первый православный священник в Калининградской области» возвращает нас к сакральному центру русской культуры – православной традиции. В каждом уголке русской земли есть свои святыни и памятные места, связанные с важными событиями церковной жизни. В них душа привязывается к тысячелетней традиции нашей веры самыми кровными и непосредственными узами – как к местам своего детства. Вот и у автора книги есть такое важное воспоминание, наполненное яркими природными символами: «Святейший патриарх благословил иконостас нашего храма, искусно выполненное настоящее произведение искусства резьбы по дереву в морской тематике. Он благословил перенесение в собор частицы мощей святого праведника Феодора Ушакова... Чудесные явления были на фоне праздника. При серой осенней дождливой погоде, когда пошли крестным ходом, выглянуло солнце и по-летнему осветило землю». Ещё более символично и то, что рассказано здесь о первом православном священнике на этой земле – и душа словно переносится во времена равноапостольных Кирилла и Мефодия, переживая рождение веры как части своей местной истории, совпадающей по своему священному смыслу с историей мировой. Такое чувство очень важно воспитывать в себе современному русскому человеку – чувство живой связи со своими великими предками не только на уровне эрудиции, но конкретно везде, в каждой родной местности, на своей незаменимой «малой родине».

Даже наш краткий обзор всех сюжетов и размышлений автора книги «Жертвенное сияние современной русской мысли» показывает удивительное богатство современной русской культуры, раскрытое благодаря уникальному авторскому взгляду. Несмотря на индивидуальный отбор тем и сюжетов, Лидия Довыденко сумела сделать очень ёмкий «срез» сущности процессов, явно свидетельствующих о мощном росте и возрождении русского духа в его художественных и личностных проявлениях. Ей действительно удалось показать живой космос современной русской культуры. Это невозможно было бы сделать рассмотрением одних лишь «громких» имён, за которыми часто не стоит ничего, кроме быстропроходящей моды. Но именно такой заинтересованный индивидуальный взгляд, позволяя нам узнать о сокрытых лишь до поры до времени ярких провинциальных талантах общерусского масштаба, вместе с тем оказывается и самой точной обобщающей картиной.

Что мы увидели на этой картине? Мы увидели, что русская культура сейчас, впрочем, как и всегда, хранит в себе огромные нерастраченные силы, особенно богатые в «тихой», на первый взгляд, провинции. В своё время знаменитый автор «Заката Европы» писал, что в эпоху цветения культуры большинство гениев выходит из провинции, а часто и живёт там всю жизнь; и только уже в эпоху упадка культуры и перехода к бездушной цивилизации все устремляются в столицы, надеясь найти там остатки былого творческого огня. О. Шпенглер был прав – и нам достаточно вспомнить одного лишь Пушкина, который лучшие годы прожил и сформировался в провинциях, никогда не был в Европе, а Петербург не любил и воспринимал как тяжкую повинность. И тот факт, что сейчас в русской провинции находится столько людей с яркими талантами, которые вызревают там в тиши, не гонясь за модой и известностью – факт чрезвычайно отрадней. Он показывает, что в России продолжается эпоха цветения культуры, и бездушная цивилизация и подражательство Западу до сих пор не смогли её поглотить и задушить.

Обозревая удивительное богатство талантов в современной русской литературе и культуре в целом, Лидия Довыденко получила от них и своё собственное – философское – вдохновение. Развернутая в её книге глубокая и богатая нюансами философия творчества, сущности художественного слова, смысла Родины и мирового призвания России – в конечном счёте вытекает из её главного смыслового «зерна» – *философии преобразования человека и мира*, которая и является самой «солью» и самой главной ценностью русской философской традиции, не имеющей аналогов на Западе. Мы рассмотрели здесь много ярких авторских размышлений и привели обширные цитаты именно с этой целью – сконцентрировать суть этой философии так, чтобы она предстала как целостное авторское мировоззрение. И действительно, обозревая отобранные и прокомментированные выше фрагменты, мы видим яркую и цельную философию – учение о преобразении человека и через творческое художественное слово, и через созерцание природы, и через историческую память, и через общение с выдающимися личностями. Таковы пути современного преобразования России, которыми идут миллионы людей – наш возрождающийся и побеждающий свои беды великий и мощный народ.

Книга Лидии Довыденко ярко показала нам *живой космос современной русской культуры во всём её многообразии и мощной новизне*. Другие авторы, естественно, также могут сделать свои интересные обзоры всего виденного и слышанного ими в своей литературной жизни, рассказать о других, не менее ярких людях. Но несомненно, что и они придут к такому же радостному выводу, к которому привела нас и эта книга: русская культура жива своими корнями, своей родной землей – Провинцией в высоком смысле этого слова – своей духовной самобытностью и своим жертвенным служением Правде.